
ОБЩЕСТВО XXI ВЕКА – СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Культурные факторы модернизационной политики или культурные особенности России – «за» и «против» модернизации

В этом номере журнала мы публикуем материалы дискуссии между известным социологом Б.В. Дубинным (Левада-Центр) и экономистом А.А. Аузаном (МГУ), которая состоялась 17 ноября 2011 года на экономическом факультете МГУ в рамках Диспут-клуба Ассоциации независимых центров экономического анализа. Дискуссия была посвящена обсуждению роли культурных факторов в модернизации ряда западных стран, а также культурных особенностей нашей страны, препятствующих или, наоборот, способных быть конвертированными в конкурентные преимущества России.

Ключевые слова: модернизация, культура, культурные факторы, менталитет, самоорганизация, социальный капитал, ценности, институты, дискуссия

Гурвич¹. Мы много раз уже обсуждали проблемы модернизации, но сегодня обсуждаем ее культурный аспект впервые, и я рад, что они вызывают не меньший интерес, чем макроэкономические вопросы, которые обычно у нас лидировали по активности участников диспута. Представляю Бориса Владимировича Дубина – руководителя отдела социально-политических исследований «Левада-Центра» – в диспуте он участвует впервые, и Александра Александровича Аузана – президента Института национального проекта «Общественный договор». Борис Владимирович, Вам слово.

Дубин. Мне очень приятно и интересно выступить на экономическом факультете, поскольку к экономике как науке я не имею решительно никакого отношения, и в этом парадоксе ситуации. Александр Александрович – дока в экономике плюс о культурных факторах модернизации знает весьма немало, а я в лучшем случае что-нибудь знаю о культуре, а вот об экономике – совсем нет.

Хочу тезисно изложить, как мне представляется совокупность проблем, связанных с возможностями и траекториями, сроками, формами модернизации России. При этом я буду опускать огромный корпус опросных данных, которые есть в «Левада-Центре», – опросов как массы населения, так и продвинутых групп, включая позиционные элиты. Если полагаться на наши более чем 20-летние исследования общественного мнения разных групп и слоев населения, то я бы сказал (если говорить про сегодняшний день): запроса на модернизацию в массе общества нет. В принципе, нет его и в элитах, но при этом и масса населения, и элиты считают, что модернизация – это, в общем, хорошо, но только не «при нас и не

---

¹ Гурвич Евсей Томович, научный руководитель Экономической экспертной группы (ЭЭГ) – ведущий дискуссии.

нашими руками». Еще важно помнить, что такие относительно благополучные времена, когда общественное мнение в большинстве своем поддерживало курс руководства, каким бы он ни был, если не кончились, то кончаются, и по последнему нашему опросу 60% взрослого населения России считают, что сложившийся порядок дел надо менять. Опять-таки: «не мы, не нашими руками, не при нас», но менять надо.

Второй момент, связанный с вышесказанным. В принципе, «модернизация» как термин социальных наук, как понятие, как совокупность концепций о переходе традиционных сословных иерархических обществ к современным развитым никогда не была кем-то прописанным документом или программой, которая бы потом принималась, выполнялась, по которой бы отчитывались и т.д. Скорее, все это было совокупностью проблем, которые ставили перед собой различные группы европейских обществ, прежде всего, более продвинутые группы – протоэлитные, элитные, – борившиеся за свое место в публичной сфере, в экономической и политической системах. Никакого плана, программы тут не было, точнее – в Европе не было, в Штатах, скорее, была. Но если говорить коротко, получилось то, что получилось. В самом общем смысле для меня, учитывая нашу сегодняшнюю тему, важно увидеть в модернизации вот что: не изменения экономической системы и даже не изменение политической системы, а кардинальные трансформации системы регуляции поведения – индивидуальной и коллективной, и именно регуляции в сторону ценности, норм обообщенных, достаточно кодифицированных и поддерживаемых (включая соответствующие санкции за их несоблюдение) новыми типами институтов. Если говорить очень коротко, то я бы свел смысловые основы этого изменения в системе поведения и в системе регуляции к трем векторам. В конечном счете, так получилось, что человек модернизирующийся, общество модернизирующееся ориентированы на самостоятельность, состязательность и солидарность. Это историческое «ноу-хау» западных обществ. Опять-таки говорю, что никакой прописанной программы не было. Тем не менее, соединение трех этих векторов мне представляется принципиальным, и оно объясняет тот тип институтов и тот тип регуляции, который сложился в обществе, который мы теперь называем развитым, современным и даже в настоящее время постсовременным, постмодерным.

Ясно, что при этом упор в поведении человека делался на его *достижения*, а не на то, что ему приписано и предписано – по рождению, по званию, по месту в структуре обществ. Ясно, что упор делался на функциональную *дифференциацию* индивидов, групп, институтов, причем, прогрессирующую, развивающуюся, постоянно ускоряющуюся дифференциацию, прежде всего, функциональную, ролевую, институциональную. Упор делался на *универсализм* ориентаций и образцов поведения, мышления, чувствования индивидов, это касалось культуры, морали, права. И это универсальные нормы, рассчитанные на человека как такового, современного человека, живущего в модернизирующихся обществах.

В этом смысле кардинальной проблемой (если ее сейчас задним числом кристаллизовать и сформулировать) была проблема *общего*. *Общего* и в смысле обобщающего – во что мы все верим, чему мы все следуем и т.д., и *общего* в смысле предельно обобщенного, универсального. Не того, что характерно для отдельной закрытой группы, племени, семьи и даже школьного класса, а именно универсальной нормы, таким нормам и давался приоритет. Так же как приоритет в системе мотивов индивида давался, если говорить о поведении, ориентациям на инструментальное действие, в ценностях и нормах приоритет отдавался универсальным значениям. И это, как мне кажется, одна из болевых точек, характерная, в частности, для российского клубка проблем, связанных с модернизацией.

Я сказал, что модернизация не была плановым проектом, а в некотором смысле исторически получилась, и сказал, что в сегодняшней России нет массового, да, в общем-то, и элитного запроса на масштабную модернизацию. Точнее сказать,

здесь есть очень характерная для нынешней России форма собственного неучастия при передоверении права решать неким другим инстанциям. Я несколько раз называл такую конструкцию алиби в смысле: «Нас здесь не было, мы не участвовали, не мы это делали, а кто-то другой». О том, «кто», мы поговорим немного дальше. При этом я бы не согласился с теми, кто утверждает, опираясь на постулаты и цифры, что Россия не созрела для модернизации, не созрела для демократии и, в общем, ничего здесь не выйдет. Я думаю и уверен, что это не так, а о том, что делать, мы, как всегда, поговорим в конце.

Так вот, это не значит, что делать ничего не надо, но чтобы делать, надо понимать нашу ситуацию и осознавать наши проблемы. Нет возможности развернуто на них останавливаться, тем более, что многие из сторон этого комплекса или синдрома постсоветского человека, или советского человека в постсоветских условиях неоднократно описывались в работах моих коллег, в наших совместных и моих отдельных работах. Если очень обобщенно говорить о проблемах, с которыми сталкивается сегодня группа или институт, пытающиеся поставить проблему и разработать возможные траектории модернизации российского общества с анализом того, сколько это будет стоить, каким образом это можно осуществить, каковы последствия и т.д., то они заключаются в нескольких феноменах, характерных для антропологии нынешнего российского человека и для устройства нынешнего российского социума.

Об одной из них я упомянул – это *невключенность* большинства людей в какие бы то ни было структуры. Достаточно сказать, что в общественных организациях, добровольных ассоциациях в лучшем случае участие принимает такая доля российского населения, которая ниже границы статистической достоверности наших данных. Иначе говоря, это не выше 3% населения, а чаще и ниже – около 1,5–2%. То есть мы можем указать на то, что это явление существует, но мы не можем его оценить количественно, потому что это те величины, которые не подчиняются строгим правилам сопоставления с другими величинами, с величинами другого порядка. Это касается, конечно, не только общественных организаций, это касается любого действия. Кроме того, россияне в большинстве своем (а я говорю о взрослом населении, в обычные наши выборки включаются люди от 18 лет и старше) в ответ на наши вопросы заявляют, что они не могут отвечать за ту жизнь, которую ведут: «Мы не можем ни на что повлиять, не говоря уже о политике, даже на жизнь нашего города или района в нашем городе, где мы живем, даже дома, где мы живем, за исключением нашей квартиры». Круг такой – квартира, семья для старших поколений, круг ближайших друзей для младших поколений: «свои» и в том, и в другом случае. А за пределами этого – системное недоверие практически ко всем институтам, кроме первого лица. Ну, и еще кроме православной церкви и армии, то есть институтов наименее реформируемых, наименее современных и наименее готовых к модерности. Правда, не про каждую церковь это можно сказать: в определенных условиях для протестантских церквей как раз была характерна установка на модерность и модернизацию. В нашем же случае речь, в конечном счете, должна идти о постоянной, практически не меняющейся генеральной жизненной, социальной, профессиональной и т.д. установке – установке на *адаптацию* к существующим условиям как об основном направлении жизнедеятельности большинства сегодняшних россиян. Причем, адаптации, как писал Юрий Александрович Левада, понижающей: то есть человек готов снижать требования к самому себе, готов снижать требования к окружающей реальности, лишь бы не было хуже. Это очень важная сторона ориентации людей в России – не чтобы стало лучше, а чтобы не было хуже.

В конечном счете, я бы назвал состояние современного российского социума (говоря сейчас примерно о 60–80% взрослых, об исключении немного скажу дальше) состоянием *рассеянной массы*. Мы помним, что теоретики и критики массы и массовой культуры начала XX в. очень опасались массы как организован-

ности: масса виделась либо по образцу толпы, либо по образцу войска. Сегодня, мне кажется, в России мы не имеем дела ни с тем, ни с другим: это не толпа и не войско, а рассеянная масса. Масса людей, согласных быть такими же, как все остальные, согласная руководствоваться тем, чтобы было не хуже (а лучше – это уж как получится), готовых к тому, что если сосед получает больше или у него что-то получается лучше, то применить к нему какие-то санкции – те, которые доступны для обычных людей (завидовать, презирать, делать мелкие пакости или еще что-нибудь в этом роде). Это рассеянная масса, которую можно уподобить, если хотите, зрителям. Причем, зрителям, о которых в свое время писал Вальтер Беньямин, наблюдавший, как в Германии складывается это новое массовое общество, говоривший о современном ему европейском человеке как о *рассеянном экзаменаторе*. Я бы назвал российского человека таким рассеянным зрителем. Он поглядывает между делом на экран телевизора, на то, что происходит в церкви, на войну, которая идет на территории его страны. То есть он определенным образом включен в ситуацию, но включен именно как *зритель* и именно как *рассеянный*.

И два последних пункта, касающиеся проблем, с которыми так или иначе сталкивается идея модернизации в России. Важно, что при таком, как я только что его обрисовал, отношении к себе и к другим людям для большинства россиян характерна персонификация этих отношений: это всегда отношения отдельных частных лиц. А когда мы общаемся с людьми, обладающими каким-то значимым для нас ресурсом, что мы делаем? Мы пытаемся выйти из анонимности, перейти в партикулярные отношения. «Я от Ивана Ивановича, помните, он вам звонил», – или еще каким-то образом выйти из общего правила: «Сделайте для меня исключение, войдите в мою ситуацию. Вы понимаете, у меня...», и т.д. Итак, это отношения персонифицированные, что, кстати, касается и власти. И это отношения по принципу исключения, а не правила. Правила всегда, как кажется россиянину, исходят откуда-то со стороны и сверху, они ничего хорошего ему не сулят, и очень важно добиться какого-то исключения для себя на особых основаниях.

И последнее: в конечном счете, как считают мои коллеги и я вместе с ними, то, с чем мы имеем сейчас дело в России, это столкновение остаточных радикалов идеологии великой державы и ее особого пути (эта идеология уже не имеет агрессивного, завоевательного характера, а имеет, скорее, компенсаторный смысл) с импульсами модернизации, которые так или иначе в каких-то точках общества есть. Опять-таки наши исследования (в том числе по специальным проектам) показывают, что формы самоорганизации в сегодняшней России, связанные со взаимопомощью, с начатками гражданского поведения, с защитой собственности и т.д., существуют. Но это точечные вещи, не складывающиеся в систему, и они приходят в столкновение с общим характером власти в стране и антропологией постсоветского человека, с той системой отношений, которая эту антропологию поддерживает.

Поэтому, еще раз повторю, я не согласен с теми, кто считает, что раз уж так, то тут ничего не сделаешь. Я думаю, делать надо, но что именно делать? Опять-таки, обозначаю почти перечислением направления, которые мне кажутся важными. Дело в том, что модернизация в нескольких европейских странах была связана, во-первых, с последствиями больших революций, причем, не только политических, но и образовательно-коммуникативных и т.д., и в известном смысле закончилась или была в основном завершена с построением национальных государств. Поэтому я считаю, что направление, над которым сегодня нужно работать последовательно, поскольку мы уже в XXI в., а не в XIX в., заключается в формировании постнациональных, вне-национальных начал идентичности. Гражданских, конституционных – каких угодно. Национальное государство – детище XIX в., его идеологии в конечном счете привели к двум гигантским мировым войнам на протяжении XX в. Двадцать первый век, мне кажется, будет временем постнациональных идентичностей. Во-вторых, большую часть трудов стоило бы направить на то, чтобы повышать субъектность социального

существования в нашем обществе, создание и развитие любых форм организации, если они не человеконенавистнические; абсолютно любые, на любых основаниях, если они не направлены против человека; любая религия, любые типы взглядов, если они не несут опасности для других людей. Формы самоорганизации в любом случае лучше, чем состояние рассеянной массы. В-третьих, это коммуникация между разными формами общности: у нас фактически подавлена если не полностью, то по большей части публичная сфера, необходимо создавать и развивать каналы заинтересованной позитивной коммуникации между разными группами, которые сегодня формируются в обществе, разрабатывать «площадки» для их общения. Следующий пункт – формирование элит, и это один из важнейших пунктов, надо об этом отдельно говорить. Нужно учить учителей – тех, кто будет учить завтра. А чему учить, об этом было немного сказано выше. И последнее – комплекс проблем, связанный с той системой, которая в настоящее время находится в состоянии, может быть, наибольшей растерянности, развала и беспомощности – система репродуктивных институтов (школа, высшая школа, новые учебники, новые программы, новые типы преподавателей, новые ориентации для учащихся и учителей, новые формы коммуникации между ними, в том числе коммуникации не только внутринациональной, но, естественно, и интернациональной).

Гурвич. Спасибо, Борис Владимирович. Пожалуйста, Александр Александрович.

Аузан. Уважаемый Борис Владимирович, первый вопрос. Вы сказали, что в Европе модернизация была спонтанным результатом, а в Америке, например, нет. Поэтому нельзя ли говорить о планах модернизации, скажем, американских, восточноазиатских или каких-то еще? И второй вопрос: динамика доверия, динамика социального капитала исследовалась Вами и «Левада-Центром» в течение последних 20 с лишним лет, и она все эти годы шла вниз. Допускаете ли Вы, что мы близки к точке поворота? Потому что если в конце 1980-х гг. мы имели примерно 80% положительных ответов о взаимном доверии, а сейчас имеем выше 80% отрицательных ответов, может быть, маятник качнется в другую сторону? Как Вы предвидите дальнейший процесс?

Дубин. Сначала отвечу на второй вопрос. Я думаю, что к точке поворота мы действительно более-менее близки. Я бы считал, что нам до нее примерно 6–10 лет. Я думаю, что так или иначе после первого шестилетнего срока или в начале второго шестилетнего срока состояние проблем в обществе будет таким, что придется повернуться. Всем группам в обществе, и обществу в целом, и тем, кто занимает в нем командные позиции, и тем, кто их не занимает. Я думаю, вызов будет слишком серьезным, чтобы опять считать, что оно как-то так проедет, само рассосется.

Относительно Европы и США: я готов к критике и к полемике по этому поводу, но кажется, тут я не одинок – в США не было модернизации, там сразу строилось современное общество, там нечего было модернизировать. В этом смысле и именно поэтому здесь можно говорить о некотором плане, я не готов говорить о провиденциальном плане, кто-то там наверху это все придумал, и новоизбранный народ на новой земле, начиная с нуля, построил это общество. Но программы отцов-основателей американского общества, программы федералистов несомненно были, и вообще говоря, проделана специальная работа, которая показывает, что американское общество во многом – это реализация этой программы, независимо даже от того, ориентировались ли на конкретные пункты этой программы какие-то деятели. Так или иначе некоторый общий посыл в этом смысле был: сыграло роль не только наличие плана, но и определенные исторические обстоятельства, которые опять-таки люди для себя выбрали: «Всё, мы оставили позади Европу с тем отвратительным, что в ней есть и от чего мы уезжаем, и мы никогда не позволим, чтобы у нас на этой земле было что-нибудь в этом роде. Мы построим другое». И худо-бедно что-то такое построили, как мы видим, за очень короткое по историческим меркам время.

Возможен ли план в наших условиях? Вообще говоря, наличие плана в любом случае лучше, чем хаос. Точнее, если есть какой-то разумный план, о нем можно

разговаривать, его можно критиковать, с ним можно что-то делать, наконец, его можно попробовать реализовать. Если плана нет, это не очень хорошо, но опять-таки беда небольшая: будем действовать (если будем), и что-то из этого получится, по ходу дела можно будет обсудить. В обществе *зрителей*, я думаю, модернизация невозможна; общество *участников* надо некоторым образом формировать, и это основная задача. Кто-то будет делать это педагогическими средствами, кто-то – масс-медиаивными, кто-то своего ребенка в семье будет воспитывать, говоря ему «You are the best!», а не «Ты куда суешься? Тебе что, больше всех надо, ты что, думаешь, ты лучше всех, что ли?» А в какой семье это не говорят в нынешней России родители детям?! Поэтому тут уже задачи у каждого будут более-менее свои.

Гурвич. Я передаю слово Александру Александровичу.

Аузан. Уважаемые друзья, во-первых, я хочу, конечно, вернуть Борису Владимировичу слова, сказанные им вначале, потому что, может быть, Борис Владимирович к экономике не имеет прямого отношения, но известнейший переводчик и культуролог Борис Владимирович к культуре имеет точно более близкие отношения, чем экономист Александр Аузан. По этому поводу я сразу вспоминаю советский анекдот о том, как спрашивают чехословацкую тогда республику, зачем им Министерство морского флота, когда у них нет выхода к морю. Они говорят: «У вас же есть Министерство культуры!» Так вот, у меня в этом смысле, конечно, более далекий выход к тем областям, которыми профессионально занимается Борис Владимирович. Тем не менее, я вынужден об этом говорить и буду говорить, потому что речь идет не только о моей позиции (я полностью беру ответственность за акцентировку сегодняшнего выступления), но и о том, что 14 ноября 2011 г. Консультативная рабочая группа президентской комиссии по модернизации приняла за основу документ, – это наши представления, которые на будущей неделе я буду докладывать руководству комиссии по модернизации, – речь идет о векторе модернизации. Поэтому то, что я буду рассказывать сегодня, в известном смысле позиция, которая становится уже солидарной. Но повторяю, я несу персональную ответственность за то, как она изложена.

Давайте начнем с постановки проблемы. Да, действительно, исходное определение модернизации принадлежит Максиму Веберу – это переход от традиционного общества к модерному. Однако это не работает в XXI в., потому что есть целый ряд обществ, вышедших из традиционного состояния, но в модерн до сих пор не вошедших, например, наша страна. Кроме того, есть и такие общества, которые никогда не были в традиционном состоянии – их не так много, но они есть. И это ведь не только США, это т.н. *western off-shoots* или колонизованные европейцами земли. Поэтому нужна какая-то другая постановка проблемы.

52 года назад глава институциональной школы в американской социологии сформулировал свою «модернизационную гипотезу». Напомню, суть гипотезы определяет порядок модернизации. По Липсету получалось, что экономический рост является предпосылкой политической модернизации, но этот успех может быть достигнут при соблюдении двух условий: если экономический рост приводит к более или менее равномерному распределению богатства и повышению образовательного уровня. Эта гипотеза обсуждается уже 52 года, за которые реально сформировались две школы с разными установками: либо мы начинаем с экономики и технологий, а затем движемся к политическим преобразованиям, либо мы начинаем с политических преобразований, а потом получаем экономический рост. Впрочем, сейчас появились гораздо более тонкие трактовки и промежуточные позиции.

Могу напомнить некоторые современные работы наших соотечественников. Шесть лет назад А.Н. Илларионов опубликовал работу о «барьере несвободы» [Илларионов 2006], где он доказал, что начинать модернизацию и экономический рост можно без хороших политических институтов, а высшие уровни ВВП на душу населения имеют только политически модернизированные демократические стра-

ны. Еще раньше, лет 8 назад, академик В.М. Полтерович и профессор В.В. Попов опубликовали результаты своих расчетов, из которых следовало, что демократия дает положительные экономические эффекты, если есть сильный правопорядок; и дает отрицательные эффекты, если такого правопорядка нет.

Два года назад вышла работа Асемоглу, Джонсона, Робинсона и Яреда², где были рассмотрены все возможные корреляции, и вывод оказался парадоксальным (хотя лично меня очень радующим): ни экономический рост сам по себе, ни политическая демократия не являются успешными факторами экономической и политической модернизации, а речь идет о действии какого-то третьего упущенного фактора. И в совсем новых работах – я имею в виду, прежде всего, работы Норта, Уоллиса и Вайнгаста, которая в 2009 г. вышла на английском [North, Wallis, Weingast 2009], а в 2011 г. переведена и издана институтом Гайдара [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011] – высказана идея, что, скорее всего, речь идет о том, что мы бы назвали сочетанием формальных и неформальных институтов и норм поведения, установок, представлений о мире, или, проще говоря, социокультурных факторах. Честно сказать, мы довольно давно к этому подбирались, наша установка звучит следующим образом: *нужно менять подход к модернизации с экономико-технологического не на политический, а на социокультурный.*

Это основано не только на книгах, которые мы читали, но и на исследованиях, которые мы специально проводили. Борис Владимирович хорошо знает эти исследования, мы вместе были во Львове во время Международной книжной ярмарки в сентябре 2011 г., и там этот наш проект и его результаты подробно обсуждались. Формальное же название проекта – «Культурные факторы модернизации». В нем участвовали А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль, наши молодые коллеги экономисты – А.О. Ворончихина, Н.В. Зверева, А.В. Золотов, Е.Н. Никишина, А.А. Ставинская. Далее я буду говорить о результатах нашего коллективного проекта.

Первое, что мы сделали, это пересчитали с учетом свежих данных мегастатистические ряды, увы, покойного великого статистика Ангуса Мэдисона, то есть данные о GDP per capita (валовой продукт на душу населения), который он восстановил с 1820 г. *Схема 1* – это модернизированные страны траектории «А». Все они показывают ежегодные темпы ниже, чем другие страны, однако многолетняя скорость у них выше. Мы даже не можем на одном графике две траектории изобразить, это будет слишком восприимчивым.

Схема 2 – это другая траектория, здесь есть только «горбыли», связанные с сырьевыми пиками, с движением цен, а потом следует снижение.

Схема 3 – это недавно модернизовавшиеся страны, т.е. те, кто вышел на траекторию «А» за последние полвека. Усилия в этом отношении прикладывали десятков пять или шесть стран, однако успешных попыток точно можно назвать пять – это Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг. Причем, Гонконг и Сингапур я бы вынес за скобки, потому что все-таки это города, там многое по-другому – издержки контроля, способ осуществления и т.д.

Схема 4 – это стартующие модернизации. Я бы обратил ваше внимание на Малайзию, которая, неплохо прошла кризис 2008–2009 гг. Если она будет так двигаться, то это будет первый пример успешной мусульманской модернизации. Потому что, заметьте, *схема 1* – это христианские страны, причем, прямо скажем, протестантские и некоторые католические, православных там нет, а *схема 4* – это буддийские страны, а вот среди мусульманских, видимо, даже не Турция, а Малайзия может дать первый пример. Но очень важный для нас факт: страны разной культуры в разное время находят выходы на высококую траекторию.

² Имеется в виду работа [Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared 2008].

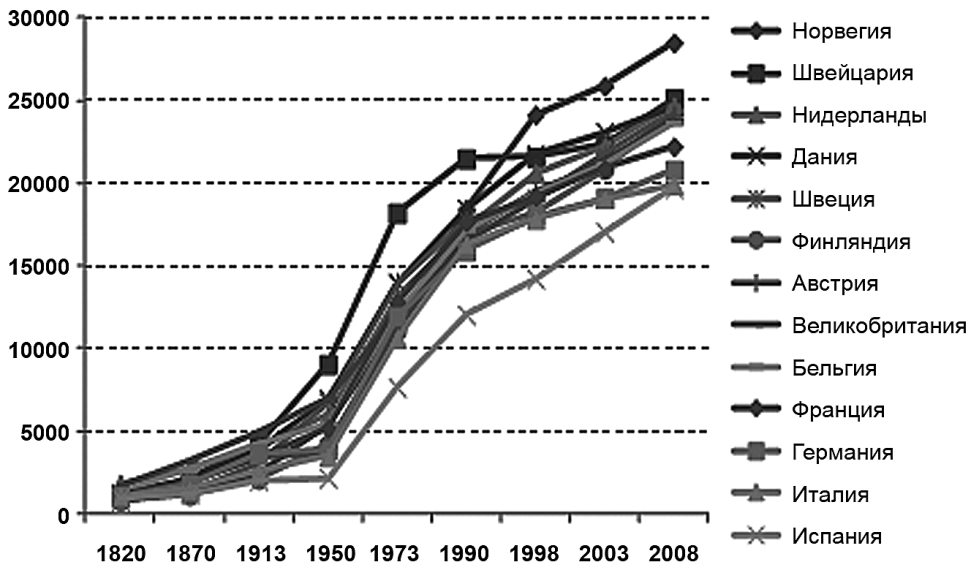

Схема 1. Динамика ВВП на душу населения (долл.) для модернизированных стран Запада, находящихся на траектории «А»

Источник: [Maddison 2001]

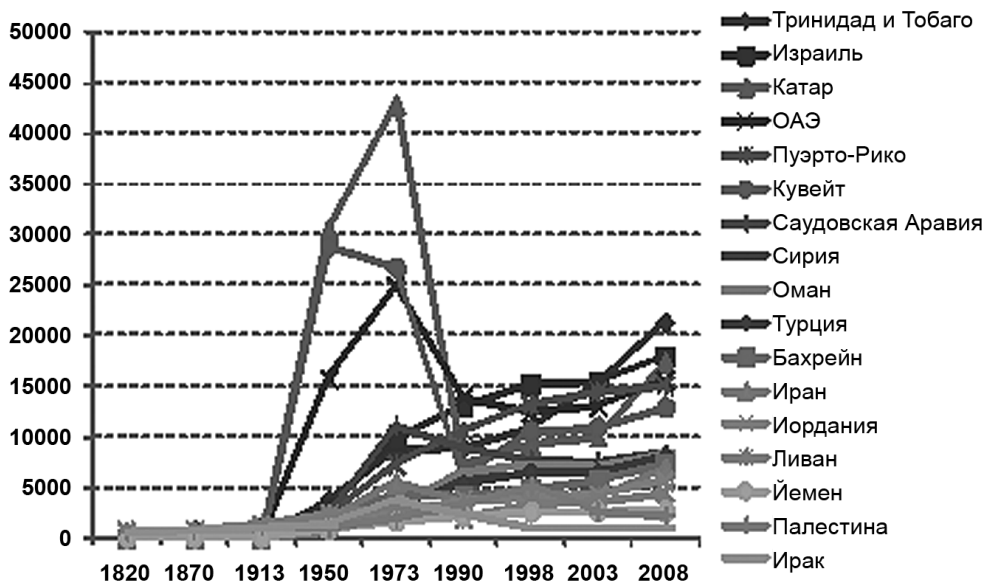

Схема 2. Динамика ВВП на душу населения (долл.) стран, находящихся на более низкой траектории «Б»

Источник: [Maddison 2001]

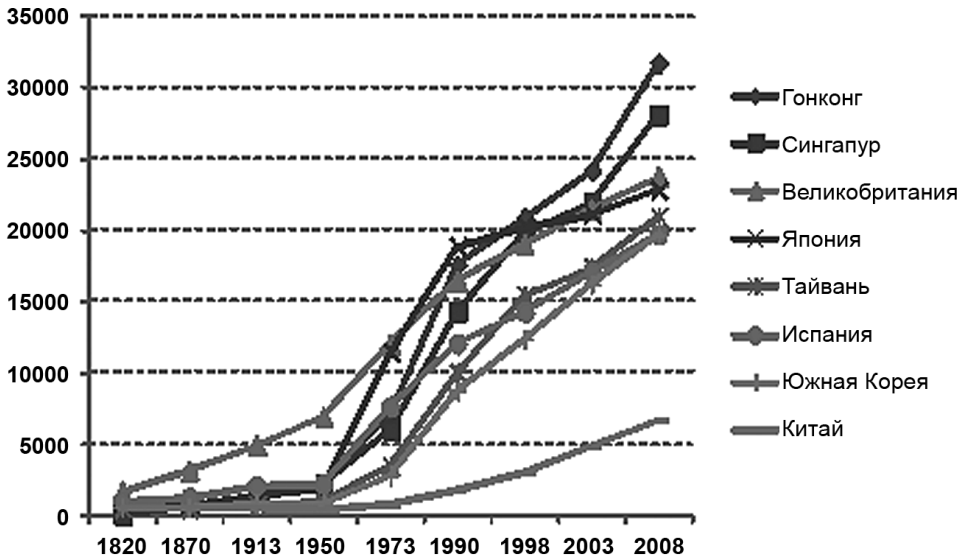

Схема 3. Динамика ВВП на душу населения (долл.) для модернизированных стран, перешедших на траекторию «А»

Источник: [Maddison 2001]

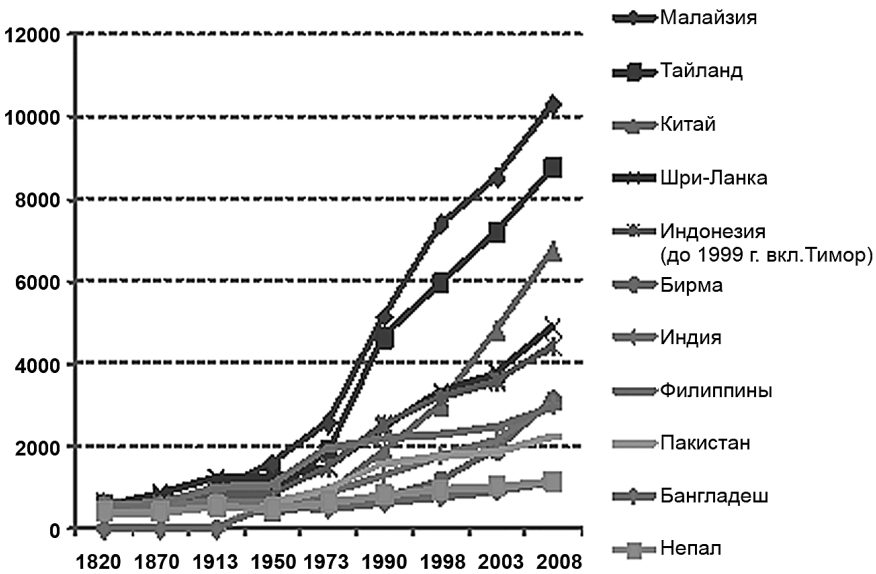

Схема 4. Динамика ВВП на душу населения (долл.) для стран, переходящих на траекторию «А»

Источник: [Maddison 2001]

Что мы сделали дальше? А дальше мы и наши молодые коллеги (прежде всего, Елена Никишина) посчитали данные кросс-культурных исследований за последние 40–45 лет – что происходило здесь со сдвигами? Там есть некоторые несопоставимые точки, потому что все новые страны участвуют в опросах, но вот 5 характеристик, которые после разнообразного агрегирования оказались общими для всех успешно модернизированных стран: две из них по методике Инглхарта и три по методике Хофстеде.

О чем идет речь? Все страны, напомним, шедшие как по первой, условно говоря, христианской траектории, так и по второй, восточноазиатской, показывают движение по пяти признакам одновременно: происходит сдвиг к рационально-секулярным ценностям, как предполагал еще Макс Вебер, а также рост ценностей самовыражения по сравнению с ценностями выживания. Также всюду снижается дистанция власти: даже если не происходит демократизация, люди все равно считают, что они имеют инструменты воздействия на власть, ведь не только демократия является механизмом влияния на власть. Происходит значительный рост ценностей индивидуализма (он потом может отступать, как это было в Японии). Еще обратите внимание на высокую ориентацию на будущее – это означает, что люди в этих странах говорят, что нужно планировать на долгий период, и результат важнее процесса. Притом, что процесс длинный, результат важнее.

Пока мы видим только симптомы модернизации. Мы не можем сказать, что это факторы; мы можем утверждать, что наблюдается какое-то повышение давления, температуры в условиях выхода на модернизацию. Такие скачки показателей встречаются в разных странах, однако только одновременное движение всех пяти показателей отмечается у всех успешно модернизирующихся государств. Хочу заметить, что в России только два из этих показателей соответствуют нужной динамике: это индивидуализм, который значительно выдвинулся вперед, и рост ценностей самовыражения.

Наше собственное исследование было продолжено в сотрудничестве со специалистами Санкт-Петербургского Центра независимых социологических исследований, который возглавляет Виктор Воронков. Там работают очень известные микросоциологи, активно публикующиеся в реферируемой англоязычной литературе; они проводили по нашему заказу исследования в трех странах: России (в Санкт-Петербурге), Германии (в Берлине и Северном Рейне-Вестфалии) и США (в Мэриленде и Нью-Джерси). Речь шла о наших с вами соотечественниках, которые работают в инновационном секторе в нашей стране или за рубежом. И была поставлена задача выявить, есть ли у них какие-то общие характеристики, отличающие их от других участников той же самой деятельности в этих сферах. И вот результат: таблица подготовлена самими социологами, поэтому я к ней отношусь очень бережно (*таблица 1*).

Я обращаю ваше внимание на то, что это те самые факторы, которые обуславливают карьеру в инновационном секторе, и здесь можно уже говорить не о симптомах, а именно о факторах.

Посмотрите: «восприятие профессии как призвания, а не как карьеры»: это же уровень ценностей самореализации, самовыражения. «Радикальный индивидуализм»: немцы даже говорят: «русские – конфликтные индивидуалисты». «Короткий горизонт планирования» – это прямо переключается с обратным показателем по одному из критериев Хофстеде, который был получен в симптомах.

Отмечу еще два момента. Наши соотечественники обладают универсальной квалификацией и универсализмом, а с другой стороны, они способны решать очень сложные, нестандартные, уникальные задачи, но плохо решают рутинные, скучные проблемы, технологиями занимаются неохотно. А что это значит? Понятно, что если ценность самореализации и одновременно крайний индивидуализм высоки, то «я все буду делать сам. Потому что мне сложнее им объяснять и потом

контролировать, делить работу и т.д.». Вследствие этого, между прочим, русские менеджеры оказываются авторитарными: он сам знает, как делать, ему не нужно быть договороспособным. Наши люди привыкли работать в неинституционализированной среде и могут работать авралом, однако эта способность к длительной работе у них имеет свою специфику, из которой вытекает презрительное отношение к стандартам и технологиям. Я не обсуждаю вопрос, откуда эти черты взялись, это всегда очень тяжелый вопрос. Дань ли это советской традиции или 500-летнему развитию после татаро-монгольского ига? Социологи говорят, что сейчас это так. Причем, хочу заметить, если человек закончил нероссийский ВУЗ, у него начинается размывание этих черт. Это означает, что все указанные черты могут меняться в процессе социализации.

Таблица 1. Портрет российского инноватора (взгляд из Германии, США и России)

Характеристика	Плюсы	Минусы
восприятие профессии как призвания, а не карьеры	нацеленность на самореализацию, на достижение уникального результата, высокая креативность	неумение себя «подавать» и «продавать», замкнутость на признании среди узкого круга коллег и друзей
фундаментальное образование советского образца	универсальная квалификация	необходимость адаптироваться к конкретным узкоспециальным задачам
опыт работы в институционально и нормативно не определенной среде	способность решать сложные нестандартные уникальные задачи	сложности в решении формальных и рутинных («скучных») проблем, потребность быть «творцом», а не «исполнителем»
радикальный индивидуализм	склонность к трудоголизму и гиперответственность, презрение к признанным авторитетам	отсутствие навыков командной работы, конфликтный характер взаимодействия, неумение перераспределять ответственность, авторитарный стиль управления
короткий горизонт планирования	способность к мобилизационным усилиям и краткосрочным прорывам	отсутствие стратегического мышления, ориентация на решение тактических задач

Так что же получается по культурным установкам участия в модернизации? В целом, нет таких установок, которые не позволяли бы нашему соотечественнику хорошо вписаться в инновационную деятельность и модернизированные системы. Но не в любые сектора этих систем: наши соотечественники прекрасно делают карьеру (в Германии это было видно) в малых инновационных предприятиях, и у них плохо идет карьера в больших инновационных корпорациях. Потому что человек, который к стандарту, технологиям относится презрительно, в крупной корпорации не котируется.

Из этого мы сделали два существенных вывода. Первый: сейчас в российской модернизации надо опираться на то, что есть и использовать эти культурные характеристики. Прекрасно сказал один американский менеджер в опросе Центра независимых социологических исследований: «Если вам нужна одна уникальная вещь, закажите ее русским, если вам нужно 10 одинаковых, заказывайте кому угодно, только не русским». Поэтому мы полагаем, что неуспех России в течение

более 100 лет в попытке заимствовать технологии массового автомобилестроения (притом что одновременно были созданы космические корабли, гидротурбины, атомные станции и т.д.) может объясняться структурой ценностей и состоянием культурных институтов. Следовательно, не надо сейчас вкладываться в российский автопром, не надо пытаться делать российский телевизор или холодильник при этой структуре ценностей, но можно совершать прорывы там, где речь идет о малых сериях, штучной работе, и это могут быть предметы мирового класса. С другой стороны, понятно, что с этим прилично позиционироваться в мире нельзя: фактически это позиционирование «левши» и ремесленничество: когда шедевры делают русские, а рынки будут контролироваться индийцами, китайцами и т.д. Скорее всего, эти характеристики изменяемы.

Таблицы 2 и 3 я называю «формулой Архангельского», потому что их предложил именно Александр Архангельский. Идея уже операционализируется: попытаться использовать то, что Борис Владимирович назвал репродуктивным институтом, прежде всего, школу для того, чтобы в течение 10–15-летнего срока сдвинуть некоторые характеристики, которые препятствуют вхождению в другие сферы модернизации.

Таблица 2. Варианты работы с ценностными ориентациями

Страны, где элиты не работают с ценностными ориентациями общества, имеют меньше шансов для перехода на устойчивую траекторию экономического развития (примеры: Аргентина, Греция)	
Варианты работы с ценностными ориентациями	1) <i>Авангард</i> : революционно обнулять устаревшую картину мира, ломать традицию «через колено» и заново начинать строительство современной цивилизации, способной к развитию и совместимой с мировым хозяйством; 2) <i>Архаика</i> : сохранять традицию, своеобразие, даже если это несовместимо с задачей комплексной модернизации; 3) <i>Модерн</i> : опираясь на сложившиеся неформальные институты, эволюционно создавать комфортную среду продуктивного обитания.
Политика социокультурного модернизации исходит из того, что...	Власть должна создавать условия для трансляции и воспроизводства ценностей. В ее руках находится ключевой формальный институт такой трансляции – средняя общеобразовательная школа , через которую проходит практически все население страны. Другими ретранслирующими институтами являются кино и телевидение , при определенной постановке дела – литература и библиотечная система .

Таблица 3. Модернизация как культурная политика

Необходимо разработать и запустить Концепцию культурной политики модернизации «От архаики через авангард к модерну: основы культурной политики Российской Федерации», как неотъемлемую часть нового закона о культуре	
Концепцией культурной политики модернизации должно быть предусмотрено, что...	<ul style="list-style-type: none"> • условием государственных или поддержанных государством инвестиций в архаические институты (музеи, библиотеки) должна стать их готовность вовлекаться самим и вовлекать аудиторию в модернизационные практики; • условием поддержки авангардных, прорывных проектов – наличие продуманного плана их трансформации в модерн, то есть создание воспроизводимых, тиражируемых практик.
Принципиально важно, чтобы в общую Концепцию вошел вопрос о месте и роли предметов гуманитарного цикла в современной российской школе: не позднее осени 2012 года должны быть уточнены Стандарты общей и средней школы, а до начала учебного 2013/14 года дополнены утвержденные (имеющие гриф) программы и учебники.	

То есть сейчас надо делать ставку на то, что есть, но понимать, что мы можем менять установки через, например, предметы гуманитарного цикла в школе. Мы мо-

жем теперь ответить, наконец, зачем нужен гуманитарный цикл предметов в школе. При прагматическом подходе он все время сжимался, потому что на вопрос «зачем?», ответ был довольно неубедительный: «Потому что каждый российский человек должен знать, кто такой Евгений Онегин». А теперь мы можем ответить: формирование ценностных установок (в том числе модернизационных) происходит именно в литературе, в истории и прочее. Конечно, не только в школе, поэтому речь идет в целом о варианте культурной политики.

Последнее: есть ли какие-то субъекты, которые предъявляют спрос на модернизацию? И есть ли субъекты коллективного действия? Здесь я очень близок к тому, что говорит Борис Владимирович, я бы просто облек это в другой язык. В данный момент с субъектами коллективных действий, на мой взгляд, дело обстоит так: «широкие группы» (или т.н. «группы Патнема») находятся сегодня в *рассеянном* состоянии, их социальный капитал близок к абсолютному минимуму – они не субъекты. «Узкие группы» (или «олсеновские группы», как их называют в некоторых социоэкономических исследованиях), конечно, есть – это малые организованные группы. Четыре года назад экономисты группы «Сигма», изучив деловую, политическую, экономическую литературу, обнаружили 5–6 доминирующих групп (по другому называемых «башни Кремля») и легко выявили контуры этих групп. Методику мы продумали вместе с Я.Ш. Паппэ, классическим исследователем большого российского бизнеса. Однако сложилось такое ощущение, что у представителей этих групп, похоже, нет «длинного» взгляда, и это главная проблема. Есть ли в такой ситуации спрос на модернизацию? Есть ли спрос на институты?

Вообще, есть давно известный результат институциональных исследований, что у элит всех стран спроса на институты нет, потому что элиты всегда могут воспользоваться образованием в Англии, стандартами в Германии, финансовым рынком в США. Зачем им модернизация? Они в мировой супермаркет институтов ходят. Поэтому институты, вообще говоря, нужны неэлитным группам. У элитных групп спрос на институты рождается под воздействием давления снизу: «Вы-то ходите в мировой супермаркет, а мы?».

Что касается других групп, скажем, среднего класса, то он ведет себя по принципу максимина, т.е. «не было бы хуже». Он маленький, невлиятельный, поэтому любое изменение рискованно. Я абсолютно согласен с тем, что это рациональное поведение в такой ситуации, поэтому мы находимся в своего рода ситуации социального гомеостаза, который по-русски называется «застой», когда, говоря языком теории институциональных изменений, существуют запретительные транзакционные издержки изменения ситуации по сравнению с ресурсами, которые есть у групп, желающих изменений.

Означает ли это, что модернизация невозможна? Нет, модернизация – очень длинный процесс: исследования Норта, Уоллиса, Вайнгаста по Франции, США, Англии, по Дальнему Востоку, по «тиграм» и «драконам» показали, что продолжительность модернизации составляет не менее 50 лет чистого времени. Южная Корея не завершила модернизацию, в известном смысле и Япония ее тоже не закончила. И сколько времени Россия «отмотала» из этого чистого времени за 300 лет со времен Петра, когда начала модернизацию, я не знаю: мы шли то в одну сторону, то – в другую.

Нынешняя фаза модернизации связана с тем, что именно через воздействие на такие ценности как договороспособность, отношения к стандарту-закону, отношения к дальним горизонтам через ценностные вещи, мы выходим на поворот в цикле социального капитала, потом, возможно, в способах коллективного действия, далее, возможно, в поведение элит, потому что переломной точкой по Вайнгасту-Уоллису, которые считают модернизацию исключением, а не правилом, является именно тот момент, когда элиты начинают договариваться не про привилегии, то есть исключения для себя, а про правила, которые принимают для себя,

а потом распространяют на всех. И для этого нужны еще две простые вещи – негосударственные, общественные, некоммерческие организации, которые могут пережить своих создателей, и коллективный контроль над средствами насилия, а не их раздел между разными группами влияния. Когда мы подойдем к этой фазе, я не знаю. Но думаю, что мы к ней не подойдем, если не будем ставить себе задачу этой самой культурной фазы вызревания социальных субъектов.

Гурвич. Спасибо, Александр Александрович. Пожалуйста, Борис Владимирович.

Дубин. Один вопрос о модернизации, а другой – о культуре. О модернизации: малые серии – это хорошо, но когда вся страна верит в великую державу, согласится ли она на малые серии и можно ли этим ограничиться? И второй вопрос: если столь важным фактором является культура, то я пытаюсь сейчас вспомнить что-то про культуру Южной Кореи, Малайзии, Тайваня... Нет, Корея XIII в. – это совершенно другая вещь, но речь о сегодняшней! Где здесь культура и какая? Про Японию – все понятно, мы можем рассуждать о японской культуре XX–XXI вв.

Аузан. Как и Вы, Борис Владимирович, я начну со второго вопроса. Речь идет о том, что на языке Норта, Вайнгаста и Уоллиса выражается следующим: исключением является успешное сочетание экономического роста и политической демократии, а правилом является та жизнь, которой живут 175 государств мира, а не 25. Я имею в виду, что модернизация – это не задача, а проблема. Еще неизвестно, имеет ли она решение для каждой конкретной страны. Его надо найти. Почему надо найти, почему оно уникально для каждой страны? Почему национальная формула существует? Потому что надо сочетать эффективные институты с точки зрения экономики с неформальными институтами, то есть, говоря языком более общеупотребимым, с культурой, которая свойственна этой стране. Если вы находите способ их продуктивного соединения, вы можете выйти на восходящий тренд.

Теперь о Южной Корее. Они использовали два момента как собственные культурные особенности.

Первый связан с традицией рисового производства, когда они избрали массовую сборку в машиностроении как наиболее близкую технологию к рисоводству. Когда выяснилось, что человека не надо обучать принципиально новой технологии, ему только надо сказать: «Ты делаешь при машинной сборке то же самое, что делали и твой отец, и твой дед, но ты производишь несколько другие движения», – там в культуре нет отторжения массового копирования, а есть интенсивность, колоссальное уважение к стандарту в интенсивных сельскохозяйственных технологиях. Они это и использовали как драйвер.

Второй драйвер – это «чеболь». Если бы они сразу применили западные стандарты в отношении конфликтов интересов и прочее, они бы проиграли. Они имели, говоря нашим языком, большие накопления бондингового социального капитала в виде большой крестьянской семьи. В России это утрачено, хотя в конце XIX – начале XX вв. еще имело место. Корейцы это сделали, признав нормальной точкой: они осознали, что бондинговый социальный капитал снижает трансакционные издержки и позволяет строить очень крупные концерны. В этом смысле я говорю о национальной формуле, которая включает в себя национальную культуру.

О малых сериях я бы сказал следующее: для России, конечно, существенной является даже не идея великой державы, а идея, совершенно правильная, осознания себя как великой страны, которая играет и должна играть большие роли. Если мы сейчас способны делать уникальные вещи лучше всех в мире – берем к примеру то же автомобилестроение – вместо позора нашего массового автомобилестроения, просматривается другой путь – делается спортивный болид и делаются автомобили *Marussia*. Я верю, что 20 автомобилей будут сделаны неплохо, но каждый будет не похож на другой. Поэтому если речь идет о жажде взойти на пье-

дестал, – а то, что происходило со спортом последние несколько лет, доказывает, что жажда именно в этом и состоит, – то есть с чем подниматься на пьедестал. С другой стороны, есть, конечно, большая проблема, не решенная прежними российскими модернизациями, заключающаяся в лишь частичной попытке воспроизвести технологии, придерживаться стандартов и осуществлять планирование. А бегать можно только на двух ногах, на одной ноге далеко не упрыгаешь. Вот эта вторая нога, компенсирующие ценности, я бы сказал – третья теорема к известным теоремам Инглхарта по поводу дефицита ценностей и по поводу социального лага, – нужны ценности, которые уравнивают то, что вы имеете в структуре неформальных институтов для поддержки развития.

Гурвич. Спасибо. Но прежде чем переходить к вопросам, я еще раз хочу подчеркнуть, что мы говорим о культуре в самом широком смысле, включая и ценности, и нормы отношений между социальными группами, нормы поведения и т.д. Пожалуйста, вопросы.

Вопросы аудитории Б.В. Дубину

А не случится ли так, что в сложившейся ситуации застоя, когда в стране не работают социальные лифты, через 6–10 лет тот поворот, о котором говорил Б.В. Дубин, приведет к революции, которая опять вытолкнет из безызвестности новых людей?

Дубин. Не думаю, что это будет революция. Мне вообще кажется, что призрак бунта и революции, который как-то все время витает над нашими разговорами о сегодняшнем и завтрашнем дне, ложный, неадекватный. Я не вижу для этого сил и предпосылок, не говоря уже о том, что не вижу никаких результатов такого хода событий. Опять-таки соглашусь здесь с Левадой: революции – не локомотивы, а катаклизмы истории. Но повторяю, изменения произойдут в пределах 6–10, максимум 12 лет, и я довольно твердо в этом уверен. По опыту XX в. они всегда приходили сверху, а будет ли на этот раз также, не знаю. Я все-таки – не прогнозист, а, скорее, назад и в сегодняшний день гляжу.

Не получится ли так, что, вязываясь в игру с ценностями и культурой, мы опять играем в догонялки, и пока наше общество движется куда-то в другую сторону, мы пытаемся подстроиться под другие страны, а точнее то, какими они были вчера? Может быть, имеет смысл изучать постиндустриальные характеристики и ценности в российской ментальности, искать в них положительные моменты и отталкиваться уже от них?

Дубин. Нужно ли опять догонять или все-таки стоит попробовать построить что-то, чего еще не было? Я думаю, что это правильно. Только это очень сильно заставляет развернуть мозги, к чему, боюсь, не все пока еще готовы. Это, кстати, к вопросу о том, есть ли у нас образ будущего: посмотрите, самое высшее в программах едва ли не всех нынешних партий, до чего они все могли додуматься, – это национальное государство. Но ведь всё, проехали это давно! Причем – какой ценой! Зачем же опять?! И потом – какой нации это будет государство?

Касательно упоминавшейся «самоорганизации». В свое время Игорь Юргенс в одном из своих выступлений сказал, что наше общество архаичное, имея в виду, что наша жизнь хоть и регулируется институтами, но когда нужно, мы вспоминаем личные связи, понятия и все, что с этим связано. Если принять во внимание

синергетику, то в подобных условиях самоорганизация общества опасна, потому что она может стать причиной хаоса. Возможен ли в связи с этим какой-либо модернизационный проект?

Дубин. Сначала два факта. Вернее, один факт и один анекдот. Анекдот такой: стоим в пробке с шофером, я говорю: «А как хорошо сделал бывший мэр города Сеула, ныне президент страны: разделил городской транспорт и частный транспорт, – большие грузовые машины просто не пускают в центр, автобусы ходят по своим полосам». Шофер отвечает: «Так это и у нас можно сделать, только кто же это соблюдать будет?!»

Теперь относительно того, кто заинтересован в изменениях. У нас есть такой специальный вопрос, который мы несколько раз повторяли нашим респондентам, я о нем упоминал: 60% населения считает, что сложившуюся ситуацию надо менять! Кто, по их мнению, больше всего заинтересован в этом изменении? Самые бедные слои населения и сельские жители. То есть те, кому хуже всего. Опять-таки, не те, кому хорошо и кто хочет лучше, а те, кому уже невозможно.

Вопросы аудитории А.А. Аузану

Как Вы относитесь к болонской системе, повсеместно насаждаемой сегодня в России?

Аузан. Я полагаю, что мы находимся в ситуации, когда Россия проиграла конкуренцию англо-саксонской системе во второй половине XX в. Российско-германская университетская система выигрывала конкуренцию в XIX и первой половине XX вв., и проиграла во второй. Поэтому болонская система – не что иное как условие капитуляции, предложенное нам англо-саксонской системой. Я считаю, что капитуляцию подписать были вынуждены, но это совершенно не означает, что война закончилась. Поэтому нужно, используя подписанную капитуляцию, искать способы повышения конкурентоспособности германо-российской университетской системы. И это один из серьезных вопросов, касающихся институциональных факторов, например, повышения креативности, сохранения людей в стране, потому что германо-российская система и инженеров давала лучших, и креативность поддерживала на более высоком уровне. Но она существенно менее технологична, прагматична и т.д.

Как соотносятся модернизация и авторитаризм не на практике, а в теории? Возможна ли модернизация при авторитаризме?

Аузан. Несомненно, есть успешные случаи авторитарной модернизации, но они происходят – даже теоретически – при двух условиях: если удастся наладить другой способ обратной связи, не через демократические институты, как Ли Куан Ю в Сингапуре, который обращал внимание на то, в каких платьях ходят жены чиновников. Он в Москве нам рассказывал, пройдя по улицам города, как надо управлять страной, но у нас даже не видно, что в Серпухове происходит, и уж тем более в Томске. Поэтому первый фактор – должна работать обратная связь, второй фактор – на авторитарное правление должны давить элиты с долгосрочным горизонтом планирования. Вот если эти две вещи есть, то авторитарная модернизация может быть успешной. Как говорится, и брак по расчету может быть счастливым, если расчет правильный. Но это редкое сочетание факторов, на мой взгляд, редчайшее, исторически мы таких примеров найдем мало.

Возможно ли, что вывод из представленного исследования о том, что русские могут делать только уникальный продукт, связан, в первую очередь, с тем, что исследовались инновационные компании?

Аузан. Конечно, выборка получилась смещенная. Речь шла о людях, которые работают в инновационном секторе: если они уехали, значит, они подвижны, мобильны, ездят туда, обсуждают, не вернуться ли. Но, подчеркиваю то, что мы получали по кросс-культурным сравнениям, это уже другая выборка, и они во многом, не могу сказать, «совпадают», но перекликаются. Например, растущий уровень ценностей самовыражения фиксируется не только в инновационном секторе.

В контексте сказанного о том, что у российских элит нет спроса на модернизацию, возможно ли, что если они так же как наши работники в инновационных компаниях начнут воспринимать свою профессию не как карьеру, а как призвание, то у них сразу же появится спрос на модернизацию?

Аузан. Вообще, может. На мой взгляд, главная проблема сегодняшнего дня заключается в том, что при коротком горизонте мышления никакого спроса на модернизацию быть не может. Поэтому необходимо теми или иными способами развить у наших элит длинный горизонт мышления, а в их интересах – и они это знают – сохранение снижающейся потенциальной ренты. Но дальше встает вопрос, как менять этот горизонт? Ключи, видимо, надо искать в этих вещах.

Рассматривалась ли в исследовании специфика китайской модернизации?

Аузан. Мы не исследовали отдельно и дополнительно модернизацию в КНР. Каждый раз, когда нам в пример приводят Китай, я говорю, что эта страна сегодня показывает образ нашего лучшего прошлого. Вот если бы в 1929 г. в Политбюро ЦК ВКПб победили бы Бухарин, Рыков – правые большевики – прошла бы ситцевая индустриализация, не было бы коллективизации, и это было бы очень похоже на китайский путь. Да, правые большевики были правы по сравнению со Сталиным и прочими. Но что нам это дает? Ничего не дает, потому что Китай в данном случае страна с большой деревней, переходящая от аграрной фазы к индустриальной, с невычерпанными ресурсами рабочей силы. Вот дочерпают ресурсы дешевой рабочей силы – поглядим, что они реально умеют.

Не корректнее ли рассматривать упомянутый 300-летний российский модернизационный проект как чередование этапов мобилизации? Учитывая, что наша власть не готова к децентрализации и мы имеем архаичное общество, не приведет ли все это к тому, что наш модернизационный проект превратится в очередную мобилизацию?

Аузан. Это довольно сложный вопрос. Я, безусловно, соглашаюсь с тем, что в России в основном модернизация производилась мобилизационными способами, но так было не всегда. Например, модернизация Александра II – «50 лет великих реформ», – это немобилизационный тип модернизации. И он оставил, между прочим, очень ощутимые следы. Модернизации мобилизационного типа дают результат, но они дают этот результат при переходе от аграрного общества к индустриальному при достаточно ясных задачах. Дали ли петровские реформы какой-то рывок? Дали. Правда, потом было существенное падение. Дали ли сталинские методы модернизации какой-то результат? Конечно, дали, правда, потом опять было съезжание. Это очень характерно для мобилизационных методов. Можем ли мы сейчас впасть в мобилизацию? В России всегда можно впасть в мобилизацию, но, на мой взгляд, сейчас государство, как ни странно, выглядит относительно сильным, но на самом деле у него уже нет тех инструментов насилия, которые нужны для реализации мобилизационного варианта. Пока что нет...

Может быть, индивидуализм и авторитаризм российских менеджеров – просто элементарный недостаток знаний управленческих технологий и опыта?

Аузан. Извините, не соглашусь: менеджерского образования очень много. Ведь многие русские через это прошли. Речь идет отнюдь не о необразованных людях, и вот вам пример: я недавно был на четырех разных мероприятиях, но нигде не выдерживается регламент. Нигде модератор не считает нужным прервать выступающего: одна сессия наезжает на другую – ничего страшного, сессия закончится на 2 часа позже. Это, простите, касается людей с очень хорошим менеджерским, экономическим образованием, некоторые из них возглавляют школы бизнеса, школы менеджмента и относятся к этому более-менее спокойно.

В докладе совершенно не рассматриваются конфликты, которые могут возникать между желаемыми социально-культурными изменениями и более консервативными устремлениями власти. А ведь во власти находятся очень неглупые люди, которые, тем не менее, могут сознательно противодействовать изменениям, так необходимым для стимулирования инноваций! Правильно ли, что доклад был написан так, чтобы не обидеть и не затронуть власть?

Аузан. Вообще-то эта презентация готовилась именно для власти! Все это было подготовлено для президента! Мы не боимся обидеть власть, потому что мы то же самое стремимся донести до всех групп общества. Но я еще раз хочу подчеркнуть, что у меня довольно большой опыт высказывания неприятных вещей первым лицам государства – можно сказать, это моя профессия. Драма состоит в том, что пока мы имеем рассеянную массу, пока мы имеем этот минимум социального капитала, мы вынуждены находиться в диалоге с властью именно в такой тональности: «А давайте попробуем так! Может быть, все-таки попробуем? И для вас тут есть определенные мотивы...» Поэтому я полагаю, что у любого плана первое требование – это его реалистичность. Например, учет той структуры и тех субъектов, которые у нас сложились здесь и сейчас.

Не пора ли перейти от устаревшей парадигмы, противопоставляющей технологические, политические, культурные, экономические и социальные факторы, на более современную системную парадигму XXI в., в которой под модернизацией следует понимать процесс системного развития, охватывающий все сферы и факторы в их взаимном влиянии друг на друга?

Аузан. Я согласен, что хорошо бы учитывать все аспекты сразу, но есть такая неприятная штука, как распределительный конфликт, т.е. когда ресурсы надо делить. Или ограниченный ресурс внимания, или ограниченный управленческий ресурс. Как правило, невозможно начать все одновременно и вровень. Поэтому приходится думать: «Давайте, все-таки, сначала сделаем этот шаг, а потом уже следующий». Наше утверждение состоит не в том, что не нужно производить экономико-технологическую или политическую модернизацию, мы говорим, что, скорее всего, для России (и, видимо, не только для России!) вхождение в этот процесс лежит через социокультурные элементы, хотя, разумеется, нужно думать и про все остальное.

Вопросы обоим докладчикам

Никто из докладчиков не говорил о таком факторе как образ будущего. Каков он? В чем цель модернизации? Или же мы говорим о модернизации ради модернизации?

Аузан: Да, конечно, образ будущего важен. Модернизации ради модернизации не бывает. Я вообще не уверен, что в глобализованном мире модернизация – это хорошо. Совершенно не уверен. Но для того чтобы ее не делать, нужен северо-корейский вариант: нужно закрыть границы, отключить телевизор и интернет... Степень изолированности позволяет жить, как ты хочешь. А отсутствие изолированности – не позволяет, и тогда начинается гонка, соперничество с конкурентами за свое собственное население, за свои мозги. При этом основным показателем развития становится ВВП на душу населения, хотите вы это или не хотите. Нужен ли образ? Да, безусловно, нужен. Причем, на мой взгляд, этот образ пока пытались формулировать неправильно, потому что задавались целью: «А давайте, заработная плата у нас будет, как в Германии». А чего ждать? Через 20 лет она будет как в Германии, но уже сейчас можно туда уехать, и она будет как в Германии! Это очень неудачные попытки формулирования цели. Ни количественные показатели ничего не дают, ни сравнительные – я бы сказал, что нужно искать именно свое позиционирование, которое ты ощущаешь как свое и хочешь его иметь.

Дубин: В свое время, еще до перестройки, в самом начале времен гласности, Ю.А. Левада написал статью про задачи, которые остались от Сталина и которые, хочешь – не хочешь, придется решать. Перечислю, их четыре, и, с моей точки зрения, это и есть, если можно говорить о целях модернизации, те самые задачи: 1) прекратить решающую роль чрезвычайности в стране, т.е. «чрезвычайности» как способа управления; 2) обеспечить пусть небольшой, но постоянный рост уровня жизни всех групп населения; 3) построить современные институты, прежде всего, правовые, рассчитанные не на отдельных людей, а на людей как таковых; 4) найти свое место в «большом» мире, опять-таки не прибегая к чрезвычайным средствам.

Сейчас то и дело опять начинают громыхать тяжелым оружием, опять напоминают всем о прежней, державной исторической роли. А решена ли хоть одна из задач, оставшихся от Сталина? Я думаю, не нужно перечислять все наши исторические события на протяжении последних 15 лет, чтобы убедиться: в решении этих задач мы находимся примерно там же, где находились.

В стране сегодня нет образа будущего. У нас страна без будущего. Это показывают и опросы населения, и опросы элиты. Значительная часть российского населения больше чем на несколько месяцев вперед планировать свою жизнь не в состоянии. Единственное исключение – самые молодые группы. Но у них, как мы понимаем, на перспективу самый предсказуемый сценарий: окончил школу, пошел на работу или поступил в институт, обзавелся семьей, завел первого ребенка – согласитесь, жизненный сценарий довольно жесткий, поэтому они и могут планировать свою жизнь на несколько лет. Все остальные, повторюсь, дальше нескольких месяцев не заглядывают. Социальные лифты – это, разумеется, хорошо, но их же нет или почти нет! Раствор сегодня схватился и очень сильно схватился. И только «самые маленькие» и «самые кругленькие», как говорили в советские времена, могут проникнуть сквозь образовавшееся сито. Но сито это уже какое-то плотное.

Почему, если за 1000 лет нам так и не удалось толком модернизироваться, нам удастся это сделать сейчас? И, главное, как это можно сделать?

Аузан: Россия все-таки модернизируется не 1000 лет, а именно 300, с петровского времени. Можно, конечно, считать, что со времен Алексея Михайловича предпринимались какие-то попытки, но по-настоящему все началось с Петра. Были ли абсолютно безуспешны эти попытки? Нет! Происходили технико-экономические, военно-политические скачки. Другое дело, что коллеги из «Левада-центра» назвали это «абортивной модернизацией»: не происходила социокультурная модернизация, поэтому все время наблюдались обрывы. Речь идет о том, что мы начали

и никак не можем завершить: мы вынуждены все время находиться в этом процессе и полагать, что все-таки он может быть как-то завершен.

Дубин: Если считаешь, что не можешь ничего сделать, то и не делай. А если считаешь, что можешь, делай. Даже если результата от своих действий ты, скорее всего, не увидишь. Я думаю, что расчет на долгое время – это правильный расчет. Только не надо путать 12 предстоящих нам лет, два президентских срока, с долгим временем. Я говорю совершенно о другом времени, и к нему надо повернуть мозги. Может быть, это самая важная вещь наряду с обретением позитивной солидарности у нас в стране, которая ну никак не дается! Если получится что-то с позитивной солидарностью и с образом будущего, я думаю, можно будет что-то сделать. То есть и позавчера надо было делать, и вчера, и сегодня, и завтра – и так все 300 лет.

Один российский государственный деятель сказал, что учебные планы в учебных заведениях должны составляться с учетом мнений предпринимательского сообщества. А Папа Римский сказал, что учебные заведения должны учить людей тому, что такое благо в широком смысле слова. Кто из них прав?

Аузан: Оба правы, потому что образование есть, с одной стороны, обучение технологиям, а с другой стороны – внедрение определенных ценностей и поведенческих установок. Причем, во всех модернизациях, если уж срабатывают, то срабатывают обе эти стороны. Вы не получите модернизацию без соответствующих ценностных установок... Но и технологиям ведь тоже надо учиться! Нельзя каждый раз все делать заново!

Дубин: Я бы это объяснил тремя словами, но надо написать целую книжку, чтобы объяснить, что эти слова значат. Учить примерам *самостоятельности, состязательности и солидарности!* Учить, чтобы эти три понятия в российском уме, наконец, начали соединяться! Потому что у нас если и есть самостоятельность, то нет солидарности. Если есть состязательность, то такая, что мы расталкиваем всех, кто бежит рядом. Как соединить эти вещи? Приведу один пример, он принадлежит не мне, а замечательному журналисту Александру Гольцу. Он как-то рассказывал, что в Американской военной академии в Вест-Пойнте от курса к курсу повышается доля гуманитарных дисциплин, и в конце концов они просто становятся ведущими. Вопрос: зачем? Ответ: академия выпускает людей, которые а) будут принимать решения в абсолютно нестандартных ситуациях, б) они будут отвечать за громадные массы подчиненных им людей. Только культура может этому научить.

Реплики из аудитории

Дубянская Галина Юрьевна. Борис Владимирович и Александр Александрович, большое спасибо. У меня, Александр Александрович, подход совпадает с Вашим, и я как раз говорю о том, что разработка 10 направлений, 10 составляющих системного развития включает в себя экономическое и политическое, социальное и прочее, и в том числе культурное, и я утверждаю, что здесь все эти составляющие перекрещиваются – одно невозможно реализовать без другого. Мы можем говорить об экономической культуре, которой у нас сейчас нет, об экологической культуре, о политической культуре, о военной культуре, о финансовой культуре. И я с Вами совершенно согласна, что это один из ключевых факторов, но мои возражения заключаются в том, что все нужно рассматривать как взаимно влияющие друг на друга и создающие этим самым влиянием синергетический

эффект. В этом отношении я хотела бы даже не возразить, а акцентировать внимание на том, что невозможно ничего реализовать в модели системного развития без культурной составляющей.

Теперь по поводу распределения ресурсов. В этом суть искусства политики и ответственности власти, назначение власти, чтобы все это хотя бы попытаться сделать. И последнее, если можно, очень хотелось бы возразить и не согласиться по поводу того, что национальное государство – это феномен XIX в. Я считаю, что наоборот, это новый феномен XXI в. Допустим, сейчас мировая «двадцатка» пытается решить глобальные проблемы, проблемы глобализирующегося мира. А я считаю, что таких национальных государств должно быть 30, и они будут нести ответственность за 90% территории и, может быть, за 100% экономики. В сотрудничестве эти национальные государства должны попытаться решить новые современные глобальные проблемы.

Норкин Кемер Борисович. Я решил преодолеть ряд трудностей, чтобы прийти на этот Диспут-клуб, так как перед этим сделал большое открытие. Я обнаружил, что в постановлении Правительства РФ, в котором предписываются правила оценки деятельности органов исполнительной власти, оценивается что угодно, кроме работы по части развития культуры. Это первое, что нужно изменить.

Далее, я не согласен с тем, что предприниматели должны диктовать учебные планы. Почему? Потому что дело не только в профессиональных знаниях, сколько в мотивации. Если у человека, как говорится, болит сердце, если у него есть озабоченность судьбами страны, ответственность за свои действия, то он все найдет и узнает. Все эти технологические вещи написаны в книжках, он их изучит, подумает, что делается за рубежом, и у него все получится. А если нет мотивации – не сделает хорошо, даже зная, что нужно делать.

И, наконец, в рамках того короткого времени, что мне отпущено, позволю себе подчеркнуть, еще одно важное обстоятельство: в сфере духовной культуры следует различать две составляющие. Может быть, меня социологи поправят, но я принципиально различаю общественное сознание и идеологию. С идеологией проблем особых нет: она внедряется всеми государственными институтами. А вот общественное сознание существует в обществе и передается из поколения в поколение через «уроки маменьки». Счастлив тот народ, у которого общественное сознание совпадает с идеологией, а идеология глобально конкурентоспособна. Обеспечить это – главная задача развития культуры.

Кокурина Ирина Георгиевна. Я сегодня была на Ломоносовских чтениях на факультете психологии МГУ и послушала интересный доклад зоопсихолога Е.Ю. Федорович. Она в частности рассказала, что в ее исследованиях был получен следующий результат: исследовательское поведение существенно более выражено у так называемых субдоминант, то есть у более низкостатусных животных, и практически не выражено у высокостатусных животных. Я бы не стала упоминать о результатах этих исследований, если бы они не совпали с результатами моего исследования, но выполненного не на животных, а на студентах. И эти исследования свидетельствуют о том, что лидеры студенческих групп существенно отличаются от низкостатусных студентов в тех же группах именно ориентацией на творческую, преобразовательную ориентацию: у лидеров она существенно снижена.

Что из этих двух исследований следует? И какое это отношение имеет к модернизации? Дело в том, что этот путь модернизации в России всегда идет сверху вниз. И поэтому одна из главных задач – это работа с элитой, с будущей элитой в том числе. И здесь я бы хотела выделить два фактора. Первый фактор: наши элиты – это дети, родившиеся в Советском Союзе. Это дети, которые росли в семьях, где мамы, как правило, выходили на работу после двух месяцев декретного отпуска, в лучшем случае помогали бабушки. То есть это люди, как психологи говорят, с выраженными догенитальными ориентациями. Что это такое? Это означает, что

для таких людей все лучшее в этой жизни находится вне их самих, то есть где-то там намного лучше. Поэтому возникает вопрос: как нужно воспитывать элиты, чтобы они уважали собственных «ботаников»? А кто такой «ботаник»? Это низко-статусный человек с новыми продуктивными идеями; сам он зачастую не может оформить и донести эти идеи до социума, у него, как правило, низкая коммуникативная мотивация, для этого нужен кто-то другой, в частности, лидер и т.д.

И второй момент в работе с элитами. Вы сказали, что в пятом пункте Хофстеда есть такая позиция: долгосрочное или краткосрочное планирование своей жизни и индивидуализм. Мне представляется, что для России была губительна смена коллективистической культуры на индивидуалистическую культуру. Мои исследования, выполненные на российских и немецких студентах, показывают, что человек, исповедующий индивидуализм в рамках коллективистической культуры, теряет перспективу, не видит свою жизнь в долгосрочной перспективе. То есть более успешным может быть человек, который исповедует коллективистическую культуру и живет в коллективистической культуре. Возможно, что точно также индивидуалист, родившийся в индивидуалистической культуре, исповедующий ее ценности, будет более успешным именно в этой культуре. Несовпадение культуры индивида и культуры его социума, приведет в итоге к психологической и социальной изоляции этого индивида. Но из сказанного следует также вывод о том, что современный лидер, живущий сегодня в условиях глобализации экономики и политики, должен быть культурным маргиналом: и индивидуалистом, и коллективистом. Возможно, именно это обстоятельство психологически оправдывает сегодня существование лидерских тандемов во властных структурах отдельных корпораций и целых государств.

Юдина Тамара Николаевна. Во-первых, по поводу 1000-летия России и ее будущего. Оно оптимистично. Вспомним роман Ф.М. Достоевского «Подросток». Один из героев этого романа сказал: «Россия только что собирается жить». Ему возразили: «Это тысячу-то лет?». Он отвечал: «Большому кораблю большие и сборы». Достоевский повторял: «Все только что начинается».

Во-вторых, по поводу системы и целостности, о чем говорила Г.Ю. Дубянская. Действительно, сама «система» означает «целое» и требует целостного подхода. Конечно, существуют различные взгляды, подходы к модернизации, какой она является и какой должна быть. Уже есть разработанные теории в том числе и на экономическом факультете МГУ. В частности, д.э.н., профессор В.М. Кулков в своей работе «В координатах смешанной экономики» (1994 г.) предложил такую категорию как «социокультурно-экономические отношения». Он вышел на триалектику, где развитие определяется в координатах смешанной экономики, которыми являются социум, культура, экономика. Только в этом случае получаем целостность. Не стоит забывать и о философии хозяйства, предметом которой является мир-хозяйство, когда хозяйство (по С.Н. Булгакову) исследуется в научно-эмпирическом, трансцендентально-критическом и метафизическом контекстах.

В-третьих, по поводу Китая. Там уже сейчас главное – не «ситец», а «силикон». В Китае под Пекином функционирует Силиконовая долина, по Поднебесной бегают скоростные поезда китайского производства и т. д. Это не наш «примерно один процент» инновационного продукта в ВВП. В КНР это на порядок выше. Сегодня китайцы убеждены в том, что уже не нужно обменивать реформы на технологии, как это было во времена Дэн Сяопина и Цзян Цзэминя. Я могу сослаться на исследование Л.С. Переломова из Института Дальнего Востока РАН о роли конфуцианства в китайской модернизации («Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. - XXI в.)»). Переломов убедительно доказал, что конфуцианская культура способствовала успешному проведению современных китайских реформ модернизации. Очень точно, даже афористично определил китайский менталитет д.ф.н., профессор философского факультета МГУ Ф.И. Гиренок: «в каждом китайце сидит конфуцианец».

Гурвич. Всем большое спасибо. Теперь, пожалуйста, заключительные комментарии наших авторов.

Дубин. Мне кажется, мы находимся в некотором открытом процессе, поэтому, скорее, нужно не подытоживать, а нащупать какие-то болевые точки. Мне не дает покоя в нашей сегодняшней дискуссии какая-то фигура исторического движения, которая все время повторяется в России. Я ее называю «проигранная победа». Простой пример: 1920-е гг. очень много дали в России и оказались проиграны. 1960-е гг. тоже очень много давали и оказались проиграны. Кстати, именно тогда, может быть, был действительно уникальный момент, когда страна, оставаясь полуграмотной, имела возможность почти синхронно существовать со всем миром. Вспомните, что было в 1960-е гг. в Европе, в США и т.д., и что у нас шло от шестидесятников, что происходило в культуре. Так вот был момент, когда почти-почти соединились все эти вещи. Но власть решила по-другому, и 1968-й год закрыл эти возможности. Конец 1980-х – начало 1990-х гг. опять очень много дали, появились очень большие возможности, и опять победа была проиграна. Как разомкнуть этот круг? Я не думаю, что это тот узел, который можно разрубить разом. Разрыв этого кольца возможен, по-моему, только если мы откроемся для чего-то другого.

В качестве итога приведу такую социологическую лемму. Я ее однажды произносил, поэтому заранее прошу прощения у тех, кто ее уже слышал. *Если кто-то не хочет быть другим, у него будут постоянные проблемы со всеми другими.* Выход только в том, чтобы быть готовым стать другим. Только тогда мы откроемся другим и действительно станем другими. Иначе опять то же кольцо, по которому мы ходим, и временные промежутки становятся все меньше и меньше. Процесс ускоряется, а мы опять попадаем в ту же системную ловушку.

Аузан. Вопрос в том, как поменять? Вот мы начинаем искать возможности, потому что призыв к внутреннему самосовершенствованию дает результаты, видимо, в других культурах. Если говорить о том же Ф.М. Достоевском, то он не только про 1000-летие России говорит, но и ему же принадлежит замечательная фраза: «Широк русский человек, надо бы сузить». Тут, скорее, надо говорить не о самосовершенствовании, а об общественных инструментах, которые могут помочь человеку поменяться для достижения его человеческих целей. Но целей государства, я не понимаю, что такое государство – это псевдоним! Вы кого имеете в виду? Владимира Владимировича Путина, Дмитрия Анатольевича Медведева? Или 142 миллиона обитателей страны с очень разными взглядами, возможностями и способами? Поэтому, на мой взгляд, это попытка, скорее, найти рычаги и изменить ситуацию с помощью общественных инструментов так, чтобы достигать свои человеческие цели.

И последнее: возможно, синхронность с миром у нас снова есть, Борис Владимирович. Потому что то, что сейчас происходит в Южной Европе, в Нью-Йорке, в Лондоне и других городах, очень напоминает новый 1968 г. По-моему, один исторический период закончен, идет поиск новых ценностей. Мы живем в неприятное время, когда прежний исторический период уже закончился, а новый еще не думал начинаться, – это такие пыльные, неприятные времена. Мир сейчас начинает выходить из этой ситуации. И в те 6–10 лет, которые замечательный социолог, культуролог прогнозирует как время назревания перемен, будет нарастать ценностный сдвиг в мире, и у нас есть все шансы вписаться на этом повороте мировой истории, причем, вписаться, я думаю необязательно на догоняющих ролях. Когда у меня спрашивают: «На чем основан твой оптимизм в такой не самой хорошей ситуации?», – я отвечаю, что он основан на одном простом обстоятельстве: в новейших вариантах «Стратегии-2020» нереализованным конкурентным преимуществом России называются неплохой человеческий капитал и высокая креативность, которые мы никак не можем вписать в мировое разделение труда. Действительно, наша страна продолжает, несмотря на все ошибки и нелепости, рождать талантливых

людей в больших количествах. Поэтому, я полагаю, это означает, что за 5–7 лет всегда можно повернуть к лучшему.

Литература

- Илларионов А.Н.* (2006) Барьеры несвободы // «Коммерсантъ». 27.03.2006. № 52.
- Полтерович В.М., Попов В.В.* (2007) Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*. № 2.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.* (2011) *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Пер. с англ. М.: Издательство Института Гайдара.
- Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A., Yared P.* (2008) *Income and Democracy* // *American Economic Review*. № 98 (3).
- Maddison A.* (2001) *The World Economy: A Millennial Perspective*. Paris: OECD.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R.* (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.